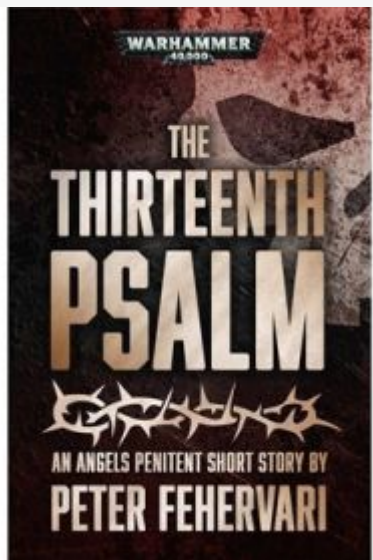

Тринадцатый Псалом / The Thirteenth Psalm (рассказ)

Тринадцатый Псалом / The Thirteenth Psalm (рассказ)

Автор	Петер Фехервари / Peter Fehervari
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Серия книг	Темный Клубок
Год издания	2019
Экспортировать	 PDF, EPUB

Красота слепит смотрящего - сплетает перед его глазами завесу благодати или великолепия, соблазняет сердце обещаниями надежды.

Первое из сих упоений суть морок, второе - ложь, и оба они сотворены Архиврагом, дабы опутать душу человека усладительными тенетами, пока мир вокруг него беспрепятственно гниёт, пылает и кровоточит. Тот, кто лелеет красоту, заигрывает с разложением, но те, кто создают, распространяют и воплощают собой её обманы, причисляются к опаснейшим еретикам.

Тринадцатый псалом «Завета Терниев»

□

Содержание

Отражение первое

Отражение второе

Отражение третье

Отражение четвертое

Отражение пятое

Отражение шестое

Отражение первое

Когда-то я принадлежал к наихудшим грешникам.

Размышляя над Тринадцатым псалмом, я всякий раз заново ужасаюсь тяжести своих былых преступлений. Генеалогическое древо нашего братства пронизано толстыми жилами золотой порчи Ангела Сангвиния, проклявшей нас миловидностью и изяществом черт, редкими для Адептус Астартес. Мы прекраснее даже братьев по прародителю, но это не извиняет моих излишеств. Прежде я ступал среди обычных людей как рыцарь-искусник Сияющих, и смертные взирали на меня, будто на самого Бога-Императора! Но поистине наполняли моё сердце гордостью похвальные речи, коих достаивались мои... творения. Даже в ордене славных умельцев, поэтов и художников я выделялся непомерным множеством претенциозных работ.

В прошлом изваяния Бьярго Ратаны пели дифирамбы на тысяче планет. О них мечтали самые разборчивые - и самые алчные - представители имперской элиты. Орудяя резцом по камню, я принёс капитулу больше славы, чем болтером и клинком, не говоря уже о том, сколь внушительно пополнилась наша казна. Помню, как искренне я называл себя «воином души», обязанным сражаться в более возвышенных битвах, чем жалкие потасовки мира костей и сухожилий. Раствление в нашем братстве дошло до того, что мою надменность не просто терпели, но почитали. Магистр ордена Варзивал одарил меня титулом «творца-просветителя» и провозгласил, что столь ценным мастером нельзя рисковать в бою. И я восторгался этим!

Мне позорно признаваться в таких вещах вслух, но иначе нельзя: я должен заглянуть себе в лицо без страха и жалости, чтобы пройти стоящее передо мной испытание. Бог-Император обвинил нас всех в прегрешениях, и чувство стыда - первый шаг на дороге к покаянию. С дней откровения, потрясшего наш капитул, я далеко прошёл по сему пути и стал *истинным* воином души, хотя и отправился к искуплению одним из последних.

Годами я томился в Призрачных Ямах нашего монастыря вместе с поганейшими рецидивистами, цепляясь за свою гордыню, и всё же наш пророк не отступился от меня. В той неизменной тьме заблудилось само время, и однажды для меня не осталось ничего, кроме терпеливых, но страстных порицаний исповедника.

«Признай убогость души твоей, Бьярго Ратана, - настаивал Неумирающий Мученик. - Покайся в грехах твоих и вознесись над ними - замаранный, но честный в своём унижении».

Я слышал, как посторонние заявляют, что наш пророк, несомненно, безумец или коварный служитель Архиврага, приведший нас к гибели, будто скот на бойню. Почему, спрашивают они, *цивилизованный* орден Ангелов Сияющих добровольно деградировал по наущениям смертного незнакомца? Вот мой ответ: *послушайте*, как говорит Неумирающий Мученик. *Узрите*, с какой скорбью во взгляде он оплакивает грехопадение человечества. Лишь тогда вы всё поймете и заслужите право рассуждать. А до тех пор мы должны судить вас, ибо таков удел Ангелов Кающихся.

Приняв наконец откровение, я ухватился за него с бóльшей истовостью, чем все мои братья - кроме самых благословенных, - и стремительно вознесся в ряды Тернового Венца, что управляет нашим

капитулом. Уже почти двадцать лет мой нечестивый облик скрыт под железной маской-черепом, прикрученной к кости болтами, которые скрепляют данное мной слово. Так нужно, ведь капелланы-бичеватели никогда не снимают своё облачение. Мою рясу из пеньковой ткани ни разу не стирали, а чёрно-серый доспех под ней перепачкан засохшей кровью и грязью неисчислимых миров – пятнами, что складываются в летопись сражений, где я бился во имя Его. Ныне я орудую крозиусом – инструментом более честным, чем резец, хотя для завершения работы ему требуется лишь пара ударов и он дробит любой «материал».

На новом поприще я сотворил много хорошего, однако прежнее бесчестие терзало меня. Поэтому, когда Неумирающий Мученик объявил о начале крестового похода, призванного искоренить художественное наследие Ангелов Сияющих, я испросил у него позволения возглавить кампанию. Мои скульптуры ярче всего блистали среди реликвий, разбросанных по Империи, так кто же лучше меня сумеет избавиться от них? Что я посеял, то и пожну!

У ордена осталось мало воинов, а союзников – ещё меньше, поэтому священную миссию поручили одной роте, к тому же серьёзно ослабленной. Переименовав наш ударный крейсер в «Исечение великолепия», мы пылко взялись за дело, выискивая и уничтожая памятники былого тщеславия.

Многие годы прошли со дня отбытия Роты Очищения, и с ними ушли в забвение многие мои братья. Язычники, вождевшие наших творений, редко соглашались расстаться с сокровищами, и некоторые из этих упрямцев командовали целыми армиями. То, какую страсть пробуждали в обычных людях сделанные нами безделушки, явно указывало на злобредность последних. Воистину, наши грёзы породили немало чудовищ...

Так мы и добрались до изысканной мерзости, что сейчас возвышается передо мной. До главного экспоната в сей галерее искажённых артефактов.

Вот она, подставка с тремя гнутыми ножками, а на ней – зеркало выше моего роста и шириной почти с меня. Из-за дугообразного верха оно чем-то напоминает дверной проём. По плавному окоёму бесшовной рамы из посеребренной пластыли идут волнистые завитки, словно бы извивающиеся на краях поля зрения. Примечательная оправка, но вполне земная... за исключением схваченного ею стекла. Моё главное оружие – слова, но даже оно отказывает, когда я пытаюсь описать диковинную поверхность зеркала. Оно не искривляет отражения и не придаёт им иных оттенков; в нём не блуждают малозаметные фантомы и не мелькают виды богомерзких измерений. Нет, оно лишь воспроизводит объекты перед ним, но с чистотой, которая каким-то образом превосходит оригинальную. Кажется, будто мир внутри зеркала настоящий, а реальность – просто жалкая приближенная копия.

И, что важнее всего, отражение являет *тебя*.

Ты взираешь на меня из той возвышенной области бытия, наделённый четкостью сути – *цельностью*, недоступной мне, хотя мы с тобою одно и то же. Что скрывается под твоей железной маской смерти, брат-я? Разумеется, моё лицо, но и нечто иное.

Неблагодарно слишком долго смотреться в это выразительное зеркало, но того требует служба. Я прибыл не для безвкусного разрушения, но ради праведного бичевания. Чтобы исправление наших ошибок имело смысл, каждую реликвию Ангелов Кающихся надлежит изучить, осудить и повергнуть, строго следуя ритуалу. Когда я истребляю очередной образец наших ересей, зримый акт насилия – лишь остриё копья, вонзаемого мною в Море Душ.

Как коварно намекает само зеркало, населённый нами мир плоти и крови подобен пелене, скрывающей

гораздо более великую и мрачную реальность, где рыскает вечно бдительный Архивраг. Вот что я обязан поразить! Вот в чём...

«Моя работа»? Нет... Ты ошибаешься. Зеркало создал не я. У меня нет навыков работы с металлом или стеклом, и уж тем более не имеется варп-дара, необходимого, чтобы оживить их. Сей артефакт создал в библиотеке Сияющих самый могучий чернокнижник прежнего ордена, верховный библиарий Афанасий. Вид объекта полностью совпадает с описанием в «*Inventorium Illuminatus*», хотя там и не упоминаются его таинственные способности. Впрочем, ничего удивительного: записи составляли в библиотеке, а его аколиты даже в те беспутные времена блюли осторожность. Зная о подобных уловках, я назначил творения колдунов главными целями охоты, но шедевр Афанасия долго ускользал от нас.

Незачем тратить время на рассказ о замысловатом переплетении событий, в результате которых зеркало проделало столь длинный путь от нашего монастыря на священном Мальпертью к захолустной планете, где я нахожусь сейчас. Достаточно указать, что Архивраг, вне сомнений, приложил руку к этому странствию, но обдуманно или инстинктивно, я определить не могу. Так или иначе, сам этот мир оказался ловушкой.

Маршрут реликвии, разумеется, определил брат Ансельм, самый учёный из *исправителей* нашей роты. Помню, как блестели у него глаза, когда он пригласил меня в корабельную часовню, чтобы поведать о прорыве. Конечно, Ансельм сдерживал восторг: его истовость, как и моя, пылала холодом под ярмом дисциплины, без которого наша тлетворная кровь пробудила бы в нас безумие. Мы оба были ветеранами эпохи Сияющих, с омоченными в грехе корнями, – при том, что больше половины нынешних воинов ордена созданы уже Каючимися. Хотя юным Тернокровым известно о прошлом, они *не чувствуют* его так, как мы, и не презирают с той же чистотой.

Призвание не позволяет мне вступать в товарищеские отношения с обычными боевыми братьями, однако между мной и Ансельмом существовало понимание, которое я предпочитаю считать дружбой.

Теперь мой друг мёртв, как и все остальные воины, последовавшие за мной в это скверное место. Я вижу Ансельма позади себя, стоящего на коленях там, где он рухнул, – его тело поддерживает косная броня, а в глазах под расколотым венцом черепа застыло удивление.

Нет... Нечто большее, чем удивление. Это изумление *предательством*, ведь кровавый след, тянущийся от трупа, ведёт к кризису в моей руке.

У меня не было выбора. Но ты уже знаешь это, зеркальный брат, ведь и на твоей стороне стекла есть коленопреклоненный мертвец Ансельм Джордано.

Отражение второе

Надо упомянуть кое-что о погружённой во тьму планете, где мы отыскали зеркало. *Область* расположена у самой границы Дамоклова залива, чуть дальше зоны открытых вторжений империи подлых ксеносов – язвы, гноящейся за огромным участком пустого космоса. Этот мир, пусть и незначительная крупинка льда по меркам остального Империиума, служит фундаментом своего убогого подсектора. Океаны под промёрзшей кожей *Области* богаты съедобными тварями, а ниже их царства находятся глубинные прометиевые скважины. Оба ресурса добывают во имя Императора жители сети купольных городов, но, согласно нашим записям, их повелители служат Ему по необходимости, а не из верности.

Благородные Крули, как и многие провинциальные владыки, в первую очередь почитают себя, и лишь во

вторую – Бога-Императора. Они купаются в роскоши, пока ничтожества под их пятой несут на себе все тяготы жизни. Мне омерзительно то, что подобных пиявок не просто терпят, но даже пестуют по всему Империи. Впрочем, это подтверждает истинность послания Неумирающего Мученика: для человечества уже нет искупления. Император обвиняет, и день Его гнева близок! Ангелы Кающиеся исполняют Его волю, но пока что беззакония в глуши вроде Области – не наша забота.

Так звучал мой приказ, когда «Иссечение великолепия» отправилось к цели, но пагубная судьба уже злоумышляла против нас.

Выйдя на орбиту, мы обнаружили, что планета содрогается в корчах революции. Большинство ульев в тундре пылали, словно погребальные костры. Купола нескольких городов раскололись, и внутрь проникал убийственный мороз. На вокс-волнах гремели непокорные речи противников Империи: они обещали новую эру гармонии под защитой синекожих «освободителей», которые вскоре пересекут Дамоклов залив и установят в Области равноправие. Их девиз звучал как «Единение», однако под лоском доброжелательности в декларациях бунтарей таилась грязная ложь чужаков.

Братья потребовали от меня принять меры. Нет ничего страшного в том, чтобы игнорировать презренные несправедливые деяния, которые вершат одни люди над другими, но разве допустимо закрывать глаза на ересь ксенофилов? Или не длань Бога-Императора направила нас сюда в час, когда скверна явила себя?

Должен признать, что я почти уступил соблазну начать войну, ибо ярость всколыхнулась и во мне, но капелланы-бичеватели обязаны подавлять в себе такие слабости и стремиться к высшей цели. Мятеж, словно безголовый морской колосс, стягивал Область множеством щупалец, а у меня оставалось всего пятьдесят пять бойцов. Мы могли бы месяцами отсекал у чудища конечности, но так и не прикончили бы его. Напрасный труд. Больше того, происходящее здесь – *испытание* нашей приверженности истинной задаче!

Негодование родичей угасло под напором моей отповеди, и брат Веланд, который высказывался резко всех, взмолился, чтобы во избежание новых дерзостей ему отрезали язык. Отвергнув просьбу юноши, я покарал его обычной Епитимьей Немоты – девьюста девью днями молчания. Веланд, пусть и самый молодой среди нас, обладал задатками исключительного воина, однако меня беспокоила его гневливость. Вероятно, она указывала на приближение Черной Ярости. Новые рекруты ордена поддавались древнему проклятию в нашей крови более часто, чем ветераны (словно чистые листы их душ легче было запятнать), но я надеялся, что правильное воспитание поможет Веланду спастись от изъяна. Именно поэтому я выбрал его для задания на Области: поскольку серьёзного сопротивления не ожидалось, мне представился бы шанс понаблюдать за юношей и указать ему путь.

Нет, не упрекай меня за это! Разве ты не принял такое же решение, зеркальный брат? Или *твой* Веланд оказался в чём-то чище моего?

Отражение третье

– Следы ведут в город Захалин, магистр Ратана, – сказал мне брат Ансельм. – В одну из самых воспалённых опухолей мятежа.

Мы стояли в выложенном обсидиановыми плитками стратегиуме корабля. Только мы двое, ибо я не нуждался в других советчиках.

– Беспорядки скроют наше прибытие, – ответил я, изучая гололит-изображение улья, которое мерцало

над тактическим пьедесталом между нами. – Надеюсь, брат-исправитель, ты не предлагаешь мне прочёсывать все эти трущобы?

– Нет.

Джордано провёл над гололитом рукой с длинными пальцами, управляя им с той же плавностью, с какой прежде играл на лазерострунной арфе. Честно говоря, мне до сих пор не удаётся разжечь в себе достаточно сильное презрение к благозвучным мелодиям, что он сплетал когда-то, хотя я и понимаю: музыка – ложное утешение.

– Зеркало почти наверняка *здесь*, магистр. – Ансельм вывел одно из зданий в центр картинки. – Особняк под названием «Очаг сладострастия».

– Звучит развратно, – рассудил я, но насторожило меня нечто иное.

Всматриваясь в голограмму грандиозного дворца, я старался определить источник моего беспокойства.

– Весьма подходит к его хозяйке. Даже по меркам безнравственных правителей этого мира *кнежина** Эссекер считается распутной и жестокой. – Джордано нахмурился, и морщины на его чувствительном лице углубились. Как и многие наши ветераны, он поразительно быстро состарился после Великого Терзания: его длинные волосы, когда-то чёрные как смоль, полностью поседели. – В отчетах описаны такие непотребства...

– Очистишься за время моего отсутствия, брат. Хватит обряда Семи пламенных самобичеваний.

– Прости мою дерзость, магистр Ратана, – с поклоном произнёс Ансельм, – но я надеялся сопровождать тебя на этом искоренении. Исправить величайшее богохульство Афанасия – моя давняя мечта.

Я помедлил с ответом. Неразумно было рисковать столь мудрым воином, однако он заслужил право довести это дело до конца. Да и что могло угрожать ему в гнезде порочной аристократки?

– Хорошо, брат-исправитель, – решил я. – Мы снова исполним Его волю вместе.

Лишь много часов спустя, когда наш десантный корабль спускался к городу, мне наконец стало понятно, что встревожило меня при взгляде на имение. Палаты кнежины, окружённые горящими домами, казались совершенно невредимыми.

Высадив нас на крыше жилой башни в нескольких кварталах от особняка, «Громовой ястреб» с рёвом скрылся за пеленой вьюги, что врывалась в пробитый купол высоко наверху. Ранее я выбрал зону высадки так, чтобы не привлекать внимания, но, судя по плотности белых шквалов, предосторожности были излишними. Здесь, на исхлётанной ветрами выси, датчики моего шлема показывали температуру ниже нуля. Скорее всего, на улицах внизу также царил холод, несмотря на бушующие в улье пожары. Естественно, для нас стужа опасности не представляла – мы перенесли бы её даже без терморегуляторов брони, – однако жителям Захалина наверняка пришлось искать укрытие.

Пока я читал акафист Внедрения, мои воины сканировали плоскую крышу в поисках тепловых следов. Таковых не нашлось.

– Они сами навлекли на себя погибель, – сделал вывод Ансельм.

Говорил он по воксу, поскольку буран заглушал голоса уже на расстоянии пары шагов.

- Как внутри, так и снаружи, брат, - отозвался я, глядя сквозь пургу на дрожашие внизу языки пламени.
- Здешние вырожденцы были обречены задолго до этой катастрофы.
- Император обвиняет! - провозгласил сержант Сальваторе.

Ветеран множества исправлений, он никогда не упускал возможности изречь Первый псалом. Его шлем, выкрашенный в коричневый цвет, - как и у всех наших элитных воинов, Терновых Гвардейцев, - венчали ржавые шипы, обозначающие набожность брата. Чресла сержанта прикрывал истрёпанный табард с вплетёнными в ткань высохшими репьями и осколками костей. Кредо нашего братства запрещает пышные символы веры, а тягу Экклезиархии к показным украшениям, равно как и мягкость церковных доктрин, мы считаем насмешкой над священной войной Ангелов Кающихся.

- Император обвиняет! - благоговейно отозвались мы все, кроме Веланда.

Греховно не откликаться на Первый псалом, однако обет молчания, наложенный на юного воина, имел бóльшую важность. После окончания вылазки я всё равно наказал бы его за проступок, но выказал бы милосердие.

- Как зеркало попало сюда? - задумчиво протянул брат Лоран, пятый и последний боец отделения.
- Происками Архиврага, парень! - буркнул Сальваторе. Запальное пламя его огнёмёта металось на ветру.
- Зачем о таком спрашивать?
- Виноват, брат-сержант.

Несмотря на слова воина, я заподозрил, что ему по-прежнему любопытен ответ. Впрочем, я терпел подобные проступки Лорана Толедоса, так как видел в нём ещё одного Тернокрового новичка с большим будущим. Не обладая воинскими навыками Веланда, он выделялся отличной интуицией, что могло вывести юношу на более утончённый путь. Возможно, Лоран стал бы исправителем вроде Ансельма. Подобные рекруты встречаются редко - кандидаты с пытливым умом, как правило, недостаточно чисты душой, чтобы пережить Испытание Терниев, - поэтому Толедос заслуживал особого отношения.

Если бы я заранее знал, что ждёт нас впереди, то не взял бы его на задание. И, раз уж на то пошло, Веланда и Джордано тоже. Бесхитростным воинам было бы проще в «Очаге сладострастия».

Город мы пересекли без особых происшествий. Подобные нам бойцы от природы не годятся для скрытности, да и наше кредо не одобряет такого поведения, однако метель частично маскировала нас. Снежная пелена, не мешавшая датчикам в шлемах, ослепляла подонков, которые бродили по улицам. Даже на таком морозе смертные попадались часто, в основном небольшими группами, но порой и огромными толпами. Одни жители крушили всё вокруг, другие старались убежать от помешанных сограждан. Большинство людей, столкнувшихся с нами, или удирали с криками о возмездии Империиума, или падали на колени с мольбой о пощаде. Мы игнорировали их всех, находя успокоение в мысли о том, что гибель отступников неизбежна, но попадались и такие, кто атаковал нас с автоматами или самодельным оружием. Каждого фанатика отмечал синий круг на лбу - символ воображаемых «освободителей». Сражались еретики храбро, пусть и неумело, но мы истребляли их быстро и бесстрастно: подобный сброд не заслуживал нашей истовости.

Другие живые призраки Захалина, рыскавшие у входа в палаты Эссекер, ускользнули при нашем появлении. Высокую мраморную стену, окружающую особняк, кто-то размалевал непристойными картинками и расписал фразами, которые служили лозунгами в ненавистном кругу ксенолобов. Железные створки валялись на земле, однако я не заметил ни пулевых отверстий, ни пятен гари, не

говоря уже о трупах, обычно отмечающих места, где вершилось насилие.

- Ворота никто не защищал, - пробормотал Ансельм, словно услышав мои мысли. - Здесь не велись бои.

- Несомненно, стражники сбежали, - бросил Сальваторе. Грохоча по искореженному металлу, он вошёл на территорию имения. - Только трусы могли допустить, чтобы никчёмное отребье разрушило их мир.

Когда мы последовали за сержантом, возле стены зашевелилась какая-то груда тряпья, и высунувшаяся из неё рука вцепилась в броню над голенью брата Лорана. Резко повернувшись, тот прицелился из болтера в создание, горбящееся во входном проёме, - исхудалую каргу, напоминавшую минималистский шарж на человека.

- Ты пришёл... ангел, - прошипела старуха с сильным акцентом. Не знаю, как её хриплый шёпот перекрыл завывание ветра. Тепловой след женщины оказался настолько слабым, что я поразился, как она ещё жива, но её глаза блестели в полумраке. - Я... видела тебя. *Грезила* о тебе.

Юноша воздержался от ответа. Хотя лицо воина скрывал шлем, я ощутил его неуверенность; мне подумалось, что уже вскоре эта мнительность или переродится в пронизательность, или сгубит Толедоса.

- Она забрала моих сыновей, - продолжила карга голосом, дрожащим от страсти. - Забрала очень многих других... Сожги сучку!

Меня тянуло посмотреть, чем окончится сцена, но наши товарищи уже исчезли за пеленой вьюги.

- Брат Лоран, за мной!

Шагая за остальными воинами, я услышал, как Толедос что-то говорит женщине, но метель унесла его слова. Теперь, после произошедшего здесь, мне хочется знать, что же он сказал.

Да, зеркальный брат, подобные мелочи важны! Мы - порождения принятых нами решений, и мне кажется, что у тех ворот Лоран сделал некий выбор, пусть и напрасный.

Умолкни! Дай мне закончить. Чтобы мы разобрались со всем этим, я должен привести мысли в порядок.

Отражение четвертое

В саду кнежины, как и у ворот, не нашлось никаких следов боя. Мы вышли на круглый плоский участок, выложенный плитками множества цветов; они образовывали какой-то единый узор, который я не сумел распознать. Что не вызывало сомнений, так это порочность изваяний, украшавших двор. Скульптуры, словно бы случайным образом расставленные по саду, обладали странно вытянутыми силуэтами и гибко переплетались во всевозможных похотливых позах. Их лишённые черт лица ничего не выражали, но розовый мрамор тел возбуждённо светился пылкостью.

- Они что, танцуют? - спросил Толедос, когда мы проходили мимо пары, слившейся в немыслимом положении.

- Вроде того, брат, - мрачно ответил Ансельм.

- Не смотрите на них! - приказал я, хотя и сам невольно оглядывал на ходу каждую статую поблизости.

При всей пошлости фигур невозможно было отрицать, что сработали их с удивительным мастерством. Их

творец, очевидно, отличался редким талантом – почти не уступал мне в гениальности. Я поклялся, что вместе с братьями разобью изваяния после выполнения основной задачи: мы проявили бы нерадивость, пощадив столь блистательные образцы непристойности.

Резиденция Эссекер медленно проступила из бурана. Над центром владения вздымалось беспорядочное скопление колонн с каннелюрами и декоративных башенок, выполненных из того же розоватого мрамора, что и скульптурные группы под ними. Каждый флигель дворца венчали луковицы куполов, чрезмерно пышно расписанных эмалью; они словно бы боролись между собой за внимание зрителя, как размалёванные блудницы, охотящиеся на клиентов. Корабельный гололит не мог передать беспримесной растленности здания – вне сомнений, оно подходило на роль вместилища еретической реликвии Афанасия.

- Как... незаурядно... – Ансельм прикусил язык, чтобы не сказать лишнего.

Некоторые из нас так и не сумели полностью освободиться от тирании красоты, но восхвалять её вслух не следовало. Я решил, что впоследствии покараю Джордано за упущение.

- Мы обязаны спалить эту мерзость перед уходом! – воскликнул благочестивый Сальваторе.

- Мы сотрём её в порошок, брат-сержант, – пообещал я. – Даже если потребуется орбитальный залп.

Подойдя к распахнутым дверям особняка, имевшим форму крыльев, мы увидели, что на деревянных створках, покрытых изящной резьбой, нет признаков насильственного вскрытия. Держа оружие наготове в ожидании западни, братья осторожно приблизились к порогу, но ярко освещённый вестибюль на первый взгляд показался пустым.

- Брат Веланд, возглавь строй, – скомандовал я.

Пожалуй, такой выбор задел Сальваторе, однако неуравновешенный Тернокровый был наименее ценным из моих воинов.

Веланд шагнул внутрь. Никто не бросился на него из засады, но я выждал, пока юноша доберётся до центра зала, и лишь тогда жестом велел остальным следовать за ним. Сформировав заранее оговорённый строй, мы двинулись вперед, быстро осматривая свои сектора в поисках врагов. Помещение, как и следовало ожидать от столь пышного здания, было обставлено по-королевски, однако многие предметы утвари кто-то расколотил, а на полу виднелись задиры и грязные полосы. Также погромщики обильно разрисовали стены синими кругами – эмблемой ксенофилов.

- Сюда уже вторглись до нас, – рассудил Ансельм, изучая следы, – но их было немного.

- Уверен, это не имеет значения, – отозвался Сальваторе. – Много их или мало, они для нас ничто.

- И всё же странно, – не отступал исправитель. – Обычно чертоги высокородных лиц навлекают на себя ярость черни.

- Они боялись, – предположил Лоран.

Юноша водил рукой в латной перчатке по стене с бархатными обоями, словно проверял её на прочность.

- Возможно, – признал Ансельм. – И, если правдива хотя бы половина историй о кнежине, боялись они не зря.

Я обдумал варианты действий. Из вестибюля выходило несколько дверей, за которыми наверняка скрывался лабиринт коридоров и залов на разных этажах. Если аристократка где-то спрятала зеркало, на его поиски могут уйти часы, а то и дни.

- Сначала пойдём за погромщиками, - решил я. - Может, им известно нечто полезное... Лоран, возглавь строй!

- Как прикажешь, капеллан-бичеватель.

Тут я заметил, что Веланд отошёл к подножию колоссальной лестницы в дальнем конце зала. Воин стоял, склонив голову набок, будто прислушивался к чему-то.

- Веланд, ты что-то заметил? - требовательно спросил я.

Ответа не последовало.

- Брат Веланд, ты...

Используя шифр Немых, он подал сигнал отрицания щелчками языка. Все наши братья обязаны изучить этот код, чтобы не нарушать запрет на речь даже при столкновении с чрезвычайной угрозой.

Я наблюдал за юношей, пока он отворачивался от ступеней и возвращался к остальным. Не уверен, почему его поведение встревожило меня, но сейчас, обдумывая тот момент в ретроспективе, полагаю, что именно тогда Веланд впервые услышал голос ведьмы.

Мы последовали за погромщиками вглубь резиденции. Хотя следы смертных исчезли после того, как они вытерли грязные сапоги о толстые ковры, определить маршрут не составило труда. Захватчики ломали на своем пути всё подряд, но светильники не трогали, словно боясь темноты.

Под слоем грубых разрушений таилась менее заметная скверна, пятнавшая лабиринт дворцовых переходов. Хотя окна уцелели, датчики брони показывали температуру заметно ниже нуля, и все поверхности затянула тонкая корочка льда. Фактически, в здании было холоднее, чем снаружи.

- Когда же закончится этот содом? - прорычал Сальваторе.

Сержант враждебно рассматривал картины, висевшие на стенах очередного коридора, обшитого деревянными панелями. Погромщики располосовали холсты, но скабрзная тематика полотен осталась очевидной.

- Она не верит в ограничения, - пробормотал Толедос.

- Не понял тебя, Тернокровый, - сказал ветеран.

- Я... - молодой воин осекся, словно вообще не собирался говорить вслух. - Извини, брат-сержант, я просто рассуждаю.

- Здесь этим лучше не заниматься, парень.

Сальваторе не ошибался: в «Очаге сладострастия» от нас требовалась абсолютная сосредоточенность, бóльшая, чем на любом из моих прежних полей битв. Да, зеркальный брат, в тот же миг, как мы вошли сюда, я осознал, что имение Эссекер - *ристаллице*, пусть и не для упражнений в силе мышц и крепости жил. Если же у меня и сохранялись какие-то сомнения насчёт того, что в вотчине кнежины происходит нечто богомерзкое, они рассеялись, когда мы наконец отыскали мятежников.

- Что за безумие? - прошептал Сальваторе, войдя в просторный обеденный зал - место, где оборвался путь погромщиков.

В отличие от других, хорошо освещённых чертогов, здесь царил полумрак, словно кто-то хотел создать интимную обстановку. Однако мы вполне отчетливо разглядели нашу добычу и в густых тенях.

Одиннадцать бунтарей в напряжённых позах сидели в креслах с высокой спинкой за круглым столом, покрытым льняной скатертью. Блюда перед ними наполнились дорогими яствами, словно их приготовили для праздничной трапезы, но и жаркое, и замысловато нарезанные овощи подернулись инеем - как и обнажённые трупы несостоявшихся едоков. Одежда и оружие аккуратными стопками лежали возле двери. Кожа людей посинела от мороза, в неподвижных глазах застыло страдание, однако на лицах сохранились широкие ухмылки. Каждый из них, замерев в вечном тосте, держал воздетой левой рукой бокал с вином, превратившимся в багряный лёд.

Бормоча молитву о взыскании, я обошёл мертвецов, высккивая раны на телах, но нашёл только поцелуи холода. Мне представилось, как они раздеваются, чинно занимают места за столом и безмолвно ждут, когда остынет их кровь...

- Как давно? - спросил я Ансельма; в моём отделении только он мог сойти за аптекаря.

- Сложно сказать, магистр. - Подойдя к бородатому здоровяку с вытатуированными на лице концентрическими кругами, Джордано отломил ему руку у локтя и изучил «срез» конечности. - Промёрзла насквозь... Впрочем, для этого хватило бы и пары часов, после чего изменения почти прекратились бы. Возможно, они сидят здесь уже несколько суток или даже недель.

- Извращённый способ умереть, - заявил Сальваторе, сбивая голову с плеч у трупа сбоку от себя. Рухнув под ноги воину, она разлетелась багряными осколками.

- Вряд ли его выбрали сами жертвы, брат-сержант, - заметил Ансельм. - Такая гибель крайне мучительна. - Он осторожно положил обрубок руки на стол. - Нечто затуманило им разум и повлекло навстречу смерти. Возможно, яд в вине.

- Дело не в отраве, - рассудил я. - Налицо колдовство, брат.

- Она смотрела, как они умирают, - произнес Лоран глухим от ненависти голосом. - Это развлекало её. - Толедос указал на большой портрет в золотой оправе, повешенный над столом. - Вот, по её глазам видно.

- Тернокровый, тебя же предупреждали...

Вскинув руку, я оборвал упреки Сальваторе. Я взял Лорана на задание потому, что Император наделил его особой интуицией, и не собирался безрассудно игнорировать чутьё юноши в этом змеином гнезде. Подозреваю, что до Великого Терзания молодому воину нашлось бы место среди еретиков нашего либраниуса, однако при верном применении из латентного дара Толедоса удалось бы создать праведное оружие.

- Разложение незримо ползает под кожей бытия, брат-сержант, - сказал я, встав рядом с Лораном под картиной. - Порой его нужно выслеживать душой, а не разумом.

Источники света в зале размещались так, что их лучи, падая на портрет под безупречными углами, подчёркивали его значение, но не размывали оттенки красок. Повернувшись к холсту, я встретился

взглядом с женщиной в чёрном платье и с толстым томом на коленях, ревниво прижатым обеими руками. Овал её бледного лица окаймляли пышные рыжие волосы, ниспадающие до талии и переплетённые темными цветами. Взор зелёных глаз незнакомки пронизывал меня холодным презрением, однако в её чертах сквозила тоска, даже угрюмость.

Я никогда прежде не видел эту даму, но мгновенно узнал её – кнежину Урзельку Эссекер, хозяйку «Очага сладострастия».

В отличие от представителей большинства родов Адептус Астартес, потомки Ангела способны распознать женскую привлекательность. Поэтому я понял, что аристократка на портрете красива, но также осознал, что её облик – маска. Под пеленой фальши глаза Эссекер блестели расчётливостью, никак не сочетавшейся с напускной меланхолией.

Скажу с убеждённостью: душе, сокрытой за утончённым лицом дамы, полностью чужды колебания. Передо мной была женщина, которая делала то, что хотела, причём любой ценой.

Как думаешь, брат, что увидела *она*, заглянув в зеркало Афанасия? Не сомневаюсь, Урзелька страстно отдалась этому порыву, даже если ей не понравилась истины, открывшиеся за стеклом. Возможно, именно они подтолкнули Эссекер к ереси.

Выходя из зала, я обратил внимание, что Веланд задержался под картиной и вновь наклонил голову вбок. В его позе явно читалась неуверенность.

- Брат Веланд! – крикнул я от порога; расхлябанность воина уже раздражала меня.

Юноша повернул голову в шлеме с бесстрастными линзами, и в полумраке на его лицевой пластине отчётливо выделился крест Немоты, нанесённый белой краской. На миг мне показалось, что сейчас Веланд заговорит, однако он лишь щёлкнул языком в знак подтверждения приказа.

Звук каким-то образом получился дерзким.

Отражение пятое

Отделение пришлось разбить: дворец оказался значительно обширнее, чем я предполагал. Казалось, что он или крупнее внутри, чем мнилось снаружи, или коварно разрастается вокруг нас, незаметно создавая новые помещения. Конечно, разделяться было опасно, но и задерживаться в осквернённом здании не следовало. Мне хотелось как можно быстрее найти ошибку нашего прошлого, исправить её и убраться отсюда.

Да, мой брат-я, мне понятно, как нелепо мои решения выглядят сейчас, однако я принимал их целую жизнь назад, и у тебя получилось не лучше, так что не суди меня. Мы едины в нашем безрассудстве!

Зеркало нашёл Лоран. Ранее я поручил ему обыскать верхние этажи, а сам спустился в погреба, убеждённый, что Урзелька спрятала свои самые мрачные тайны под землёй. Но, предполагая это, мы неверно приписывали аристократке осторожность или стыд; даже тогда мне стоило бы лучше разбираться в ней. Пока я бродил по бесконечным кладовым, где хранились приправы и снадобья, призванные утолять или распалять аппетиты смертных, Толедос обнаружил... нечто вроде святилища.

- *Истинная мерзость, магистр терниев*, – добавил он, закончив рапорт. – *Как подобные вещи ускользают от взора Бога-Императора?*

Услышав, что его голос скрипит от помех, я нахмурился. Как только мы разделились, нечто начало влиять на вокс-связь, и эффект усиливался по мере того, как увеличивалось расстояние между бойцами. Иногда сквозь белый шум прорывались аномальные звуки – возможно, речь? – но они исчезали всякий раз, когда я пробовал разобрать их.

- *Магистр, нам нельзя с этим мириться!* – настойчиво произнёс юноша, и пылкость его слов пробилась сквозь искажения в канале. - *Если мы...*

- Тернокровый, ты обнаружил зеркало? – резко перебил я.

- *Я... Да, магистр терниев, оно здесь.*

- Иду к тебе, – сказал я, не обращая внимания на его воззвания. – Братя, выдвигайтесь к Лорану!

Ансельм и Сальваторе воксировали подтверждение приказа. Отклик-щелчок Веланда донёсся лишь через несколько секунд, но я слишком сосредоточился на нашем трофее, чтобы отчитать воина за медлительность.

Пока я спешил наверх, буран всё неистовее стучал в окна. Снежная завеса уплотнилась настолько, что внешний мир как будто исчез, стертый вихрями белизны. Однако, при всей ярости вьюги, из-за фрамуг не доносились завывания ветра.

Проходя мимо открытой двери, я уголком глаза уловил какое-то движение и, крутнувшись на месте, вскинул крозиус и болт-пистолет. За порогом начиналось шестиугольное помещение без окон; его стены покрывала чёрная плитка с резными витками цветочного орнамента. Поверх неё змеились люмен-полосы, озаряющие всё вокруг мягким индиговым светом. Видимо, их излучение также обогревало зал, поскольку в нём не оказалось повсеместной ледяной корочки. Больше того, датчики показывали, что здесь тепло и влажно.

Как только я вошёл, мои шаги громко и дробно застучали по полу, выполненному из гладкого стекла. Под его запотевшей поверхностью виднелась плотная сеть волокнистых побегов. Вероятно, они проходили под всем помещением, а возможно, тянулись и за его пределы. Тогда мне представилось, как усики этих растений проникают в каждый уголок дворца и скапливаются под штукатуркой, словно пятна гнили.

По мере моего продвижения вперёд свет становился ярче, и в центре зала я рассмотрел вазу с раздутыми боками. Из её горлышка росло пышное сплетение лоз и кожистых листьев, упирающееся в потолок. В гуще этого клубка распускались огромные цветы с мясистыми луковицами в окружении чёрных лепестков. Мне совсем не хотелось вдыхать их прокажённый мускусный аромат, и никогда ещё я так не радовался, что на мне священный герметичный доспех.

- *Точно ли ты уверен?* – взмыл на волне помех чей-то голос, звучное контральто, прорезающее бессмысленный шум. - *Щедроты цветов Траурного Поцелуя могут вернуть тебе прежнюю глубину таланта, творец-просветитель.*

- Загнать в глубины богохульства, ведьма, – ответил я, поскольку не сомневался, кто именно заговорил со мной. Тембр незнакомки идеально подходил женщине с портрета.

Тогда я понял, что *ждал* услышать Урзельку Эссекер с той секунды, как увидел её изображение. Но откуда аристократка узнала мой прежний титул и смысл восхваляемого им бесчестия? Вытащила из моего сознания? Нет... нет, это невероятно... Возможно, из мыслей других воинов? Однако помнить о

чём-то подобном могут только Ансельм и Сальваторе...

- *Потерянный рай ещё сладостнее, если обрести его вновь*, - вкрадчиво произнесла ведьма, - *а проклятие отнюдь не так горько, как ты воображаешь*.

Растение чуть зашуршало, и все его цветы повернулись ко мне. Стало видно, что среди лоз угнездились несколько черепов, похожих на бледные клубни.

Сколько душ добровольно поддались этому соблазну за долгие годы? А скольких сопротивлявшихся людей просто затолкали в его объятия?

- *Почему ты так страшишься своих даров, Бъярго Рантана?* - ласково спросила моя мучительница.

Мне стало мерзко от того, что Эссекер обратилась ко мне по имени, словно к любовнику. Кто из братьев выдал ей, как меня зовут?

- Ты ошибаешься, еретичка! - Я ткнул крозиусом в растение, будто ведьма сидела где-то там. - Святым именем Его я отрекаюсь от тебя!

- *Сломленный мой, ты отрекаешься только от самого себя*, - насмешливо отозвалась Урзелька. - *Чего бы я ни пожелала, всё исполнится!*

И её голос пропал в шипении помех.

- Император знает тебя! - взревел я. - И обвиняет!

Клубок лоз задрожал, словно ощутив мои эмоции. К отвращению своему я осознал, что растёт он вовсе не из вазы, а из собственного мясистого стручка. Справившись с желанием потратить болт-снаряды - осквернить его соком крозиус уж точно не стоило, - я поспешил прочь. Несомненно, в царстве ведьмы имелось ещё много гадостных творений помимо этого злокозненного плюща.

Сразу за выходом с лестницы на верхний этаж я увидел Лорана. По бокам от него стояли Ансельм и Сальваторе; всех троих окутывало безмолвие. Замедлив шаг, я подошёл к ним и замер, поражённый немислимым размахом открывшегося мне богохульства.

Весь этот ярус когда-то перестроили в один гигантский чертог под центральным куполом. С него свисала исполинская люстра, и тысячи хрустальных люмен-шаров блистали в узлах сей вычурной паутины света, изгоняя любые тени. Тогда я обрадовался бы тьме - лишь бы не видеть зал, целиком отведённый под храм греховности.

Не стану подробно описывать всевозможные орудия пыток, собранные в той нечестивой галерее: достаточно сказать, что смастерили их искусно. Любая из машин обладала точнейшей системой управления для настройки мелодий страдания, играемых ею на струнах плоти в неисчислимых вариациях всякой мыслимой темы. Думаю, все жертвы кнежины испытывали уникальные муки и выпускали дух лишь после того, как Эссекер полностью удовлетворялась их агонией.

О, в конструкции сих механизмов истязания чувствовалась её гениальность, но каждый из них служил непотребству.

Как тебе хорошо известно, Ангелы Кающиеся немало знают о достоинствах пыток. Если применять телесные мытарства с рассудительностью, они становятся праведным орудием исправления, принуждения или казни. Больше того, в ходе шестого таинства Испытания Терниев наши новобранцы

переносят мучения, чтобы заслужить «чёрный панцирь». Но здесь практиковались обряды иного толка и богопротивного предназначения: как мы прекрасно понимали, устройства Эссекер в равной мере причиняли страдание и *наслаждение*.

Не спрашивай, каким способом она достигла столь извращённой цели, ибо я не опущусь до рассказа о подобных пошлостях. Кроме того, ты же видишь машины на своей стороне зеркала, а значит, представляешь себе принципы их работы. Никогда прежде пороки смертных не вызывали у меня такого омерзения!

Очевидно, какое-то время назад в зале свершилась последняя великая оргия экстатических истязаний, поскольку всюду лежали трупы – промёрзшие, как и погромщики внизу, но с признаками куда более необычных смертей. Выставленные напоказ люди лежали рядом с убитыми их механизмами, словно исковерканные куклы дьявольского ребёнка.

- На их губах улыбки, не отражённые в глазах, – холодно произнёс Ансельм, нарушив молчание.

- Император обвиняет! – провозгласил Сальваторе.

Мы хором повторили священный девиз, вбирая в себя его чистоту.

- Дело не только в непотребствах, – рассудил я, пристально изучая вырезанные на устройствах кривые руны. – Тут провели какой-то ритуал.

Несмотря на фильтры в шлеме, я чувствовал *аромат* сих пагубных символов – горько-сладкий запах отравленных грёз, напоённый обещаниями лжи, что обернётся правдой... если я вдохну эти чары полной грудью.

- Она принесла в жертву своих последователей, – предположил Ансельм, осмотрев богатый наряд ближайшего к нему мертвеца.

- Да, исправитель, – согласился я, отвернувшись от рун. – И они сами предложили себя.

- Но не все, – тихо сказал Лоран.

Чуть раньше Толедос снял шлем, словно в знак траура. Уверен, в ту минуту он вспоминал слова умирающей старухи у ворот: ведьма забрала всех, в ком нуждалась – как своих, так и чужих.

- Среди них есть невинные, – добавил юноша.

- Невинных не существует, Тернокровый, – с укором отозвался я. – И, кем бы они ни были, каждый из них умер за неё. Этого хватило.

- Хватило для чего, магистр? – уточнил Сальваторе.

- Для того, чтобы сбежать от ярости её народа! Рано или поздно за ней пришло бы столько людей, что рабы ведьмы не справились бы с ними.

- Магистр, ты считаешь, что она выжила? – Ветеран инстинктивно поднял огнемёт.

- О, я знаю это, брат-сержант! Эссекер всё ещё здесь, хотя уже в ином обличье. Она сбежала не ногами, брат.

- Мы должны уничтожить её, – потребовал Лоран.

- Да, Тернокровый, - заверил я юношу, но сам уже думал об ином, ибо заметил нашу истинную цель.

Зеркало Афанасия, стоявшее на круглой площадке в дальнем конце зала, взирало на учинённые перед ним зверства, будто громадный стеклянный глаз. Чутьё подсказало мне, что реликвия послужила узловой точкой обряда: одна ересь усилила другую. Хотя я пришёл сюда, чтобы уничтожить сей артефакт, меня разъярило подобное осквернение нашего наследия. Греховным зеркалом могли распоряжаться только Кающиеся!

Мы молча пересекли галерею, поглядывая в тесные промежутки между машинами, хотя я и не думал, что там остались враги из плоти и крови. Тьма, окутавшая дворец, была созданием иного рода.

Взбираясь по ступеням на площадку, я увидел, как *ты* поднимаешься навстречу мне за стеклом, встречая взгляд моих пустых глазниц железной маски своими провалами под нимбом из ржавой колючей проволоки на лбу. Твоё окно в мой мир окружали руны, вырезанные на деревянных досках платформы и заполненные кровью. Их мощь увеличивали всевозможные образцы оккультной атрибутики: чёрные свечи, позолоченный череп с ветвистыми рогами, засохшая шестипалая кисть... Обычные побрякушки еретиков, в которые влила необычайную силу женщина, слишком хорошо разбиравшаяся в своём искусстве.

Не сговариваясь, мы пинками разбросали фрагменты колдовского круга и раздавили поганые вещицы саботонами. Лоран покраснел от гнева, но его злость была праведной, свободной от безумия Черной Ярости. Я ощутил гордость за него, и тут же - стыд за себя, ибо гордость ведёт к грехопадению.

- Магистр, с ведьмой нельзя полагаться на удачу, - произнёс юноша, обернувшись ко мне. - Если просто сжечь здесь всё, она может спастись.

- Кнежина - не наша цель, - возразил я, но без суровости.

- Тогда в чём же наша задача? - не отступал Толедос. - Зачем вообще сражаться, если мы позволяем таким еретикам жить?

Хотя Лоран унаследовал чувствительность Сияющих, он, вне сомнений, был Кающимся. Со временем юноша стал бы одним из самых непоколебимых поборников ордена.

- Разве «Завет» не требует...

- Берегись! - выкрикнул я, заметив, что в зеркале позади Толедоса возникла гротескная тварь. Она носила чёрно-коричневую броню Кающихся, но искажённые пластины доспеха казались органическими: их витую поверхность пронизывали красные жилки. Вытянутый назад шлем с гофрированным гребнем обрамляли шиповидные наросты на силовом ранце, из которых валили клубы сиреневого дыма. Решётка-динамик превратилась в пасть, разъявленную до самого нагрудника воина, и под её напором глазные линзы сузились до тонких щёлок. Но больше всех признаков разложения меня ужаснул символ, намалёванный на лицевой пластине - *белый крест*.

- Брат Веланд? - спросил Лоран, глядя через моё плечо на живой кошмар, взошедший на площадку позади меня.

Юноша приветствовал монстра без отвращения во взгляде: если я взирал на истинное отражение Веланда, то Толедос, стоявший спиной к зеркалу, видел лишь телесную форму воина.

- Уж ты должен согласиться...

Голова Лорана исчезла в облачке красной мороси – существо, когда-то бывшее его братом, открыло огонь, и рокот болтерной очереди выбил из воздуха странные гармоничные нотки.

Я метнулся вбок, уклоняясь от предназначенного мне заряда. Вонзившись в стекло, тот исчез, и по отражению пошли круги, как по водной глади. В тот же миг Ансельм, также уходя из-под обстрела, соскочил с платформы, паля в прыжке из болтера. Сальваторе, оставшийся на месте, просто поднял огнемёт. Одновременно с тем, как оружие изрыгнуло пламя, внутри него взорвался снаряд, влетевший в дуло.

Никогда прежде я не видел таких невероятно точных выстрелов. Не знаю, что породило сию меткость, блистательное мастерство или поразительно злая судьба, но результат от этого не зависел. Огнемёт взорвался, окатив сержанта горящим прометием и испепелив его руки до локтей.

Выругавшись, я резко развернулся и нажал на спуск; болт-пистолет свирепо забился в моей хватке. Мне противостояло не чудовище, увиденное в зеркале, но такой же Ангел Кающийся. Целясь в меня, Веланд горбился по-звериному, однако скверна ещё не коснулась его брони. Впрочем, хриплый визг из решётки-динамика шлема неопровержимо доказывал, что воин поддался разложению. Его диссонирующий вопль терзал не только слух, но и душу, словно заунывный плач из варпа.

Пошатнувшись, я заглушил аудиоприёмники кодовым словом. Грохот пальбы сменился далёкими раскатами, но звуковая атака не ослабевала. Шум увивался вокруг моего шлема, как рой адских насекомых, вгрызаясь в моё восприятие и раздирая ещё не оформившиеся мысли. Снаряды Веланда, попадая в доспех, вышибали куски керамики и сбивали мне прицел – ответные выстрелы проходили мимо врага. Я смутно осознал, что из глаз у меня течёт кровь.

Объятый пламенем Сальваторе с рыком, который я едва разобрал, всем телом врезался в предателя. Тот выпустил болт в упор, и из спины сержанта напротив диафрагмы вырвался фонтан крови, обратившейся от жара в шипящий алый пар. Несмотря на страшную рану, ветеран по инерции столкнул Веланда за край платформы.

Атональный натиск прекратился. Ринувшись вперёд, я увидел, как воины рухнули на пол пылающим клубком, причём Сальваторе оказался сверху. Поскольку у Тернового Гвардейца сгорели руки, а снаряд перебил ему позвоночник, он старался придавить неприятеля своим телом, но безуспешно. Продолжая верещать, безумец сбросил сержанта и потянулся за упавшим болтером.

- Император обвиняет! - крикнул я, прыгая к ним и стреляя в полёте.

Через мгновение после того, как в грудь Веланда вонзились разрывные заряды, туда же ударили мои саботоны, пробившие ослабленный доспех подобно паре молотов. Вмявшаяся кираса продавила сплошной ребёрный панцирь.

От мощного толчка с предателя слетел шлем, и мне открылась карикатура на некогда красивое лицо. Рот юноши застыл в мертвенном оскале, из-под закатанных губ выступили тонкие зубы, острые, как у акулы. Кожа вокруг зева растянулась и порвалась до самих ушей; её отдельные клочья удерживались вместе окровавленными полосками. Из запавших, окаймлённых чешуей глазниц, что источали пурпурную мглу, на меня уставились чёрные шары.

- **Она... знает... тебя!** - гортанно забулькало чудовище. Слова выползали из его глотки смазанными и искаженными, ибо пасть с заточенными клыками не предназначалась для речи. - **Она... знает... что... ты...**

Всадив крозиус между челюстей твари, я покончил с её кощунствами.

Сальваторе ещё не умер, но в нём тлела лишь слабая искорка жизни. Ансельм просто исчез и не отвечал по воксу, что весьма озадачивало меня. Впрочем, эта загадка могла подождать.

Когда я снял с ветерана шлем, собираясь прочесть Все вечное Причастие, его обугленная броня ещё дымилась. Лёжа на спине, ветеран тихо ждал окончания прощальной речи.

- Сожги меня, магистр, - прохрипел он, стоило мне умолкнуть, и повернул голову к ближайшим телам-экспонатам. - Не позволяй ведьме... играть... со...

Мольбу Сальваторе перебил приступ жестокого кашля с кровью.

- Так и сделаю, брат-сержант, - пообещал я. - Ты не достанешься ей.

- Парень... был прав. Надо... искоренить её.

- Да, брат мой.

Глаза воина помутнели, и воцарилась тишина. Мне уже подумалось, что Сальваторе скончался, но вдруг он снова впился в меня взглядом.

- Магистр, я согрешил, - едва слышно прошептал ветеран. - Я... рисовал. Выходило так себе... но...

- Все Сияющие грешили, - успокоил я сержанта. - Наше тщеславие сгубило нас. Прощения нам не будет, только покаяние. Отныне и во веки веков - Император обвиняет!

Я ожидал, что он повторит благословенный девиз, ибо нет для Ангела Кающегося лучшего способа уйти в забвение, и мало кто из нас мог сравниться в истовости с Сальваторе Ясинто. Однако в свой последний миг ветеран улыбнулся и прошептал слова, которые преследуют меня до сих пор:

-Но я не прекращал.

Отражение шестое

Мы почти закончили, зеркальный брат. Исправление вышло мучительным, гораздо тяжелее любого из тех, коими я руководил прежде, однако творение Афанасия - артефакт совершенно иного порядка, и упрощать ритуал здесь нельзя. Я подверг нечестивое стекло устному бичеванию, прочитав все девятьсот девяносто девять литаний Почтительного Изгнания, и повторял каждую фразу, пока не добился идеальных интонаций. Сейчас из курильниц доспеха струится чёрный дым, наполняющий воздух горелым смрадом сожалений, а стонущие черепа-динамики на силовом ранце монотонно и не в такт выговаривают слова «Ликования терзательного», добавляя веса моим речам.

Естественно, я давно уже определил, как исправить артефакт в *физическом* смысле. Поскольку болт Веланда погрузился в зеркало, не разбив его, мне следует ударить реликвию сзади - там, где она слепа. Мой благословенный крозиус быстро сокрушит раму, а с ней и само стекло. Нет, затруднения вызывает *духовный* аспект дела, ибо всё это время меня осаждали дурные предчувствия. Перед тем, как совершить последний шаг, я должен развеять сомнения, поэтому теперь стою перед тобой, мой первый брат. Вместе мы очистим себя от неуверенности!

С колдуньей моя нерешительность связана в наименьшей степени. Да, Эссекер часто возвращалась, чтобы беспокоить меня: насмеяться, дразнить, льстить или угрожать, в зависимости от настроения, -

однако я глух к её словам. Не могу отрицать, что ведьма *знает* о моём прошлом, ведь она без устали демонстрирует мне прежние мои грехи, но при этом ничего *не понимает*. У женщины острый, но удивительно неглубокий ум, изъеденный до основания несдержанным честолюбием. Со временем остатки её личности поглотят сами себя, как ненасытный змей пожирает собственный хвост. О, будь уверен, еретичка неопишимо ядовита, однако не обладает телом или осязаемой сутью, а потому не может впрыснуть в нас отраву – если только мы не откроемся ей, как трижды проклятый Веланд.

То, что мой падший брат покорился колдунье, тревожит меня сильнее, чем сама соблазнительница. Несомненно, лазейку в душе воина расширила Эссекер, но то, как стремительно и радикально порча изменила его, указывает на ненадёжность Испытания Терниев. Что же, наш метод проверок негоден или судьи слепы? Задаваться подобными вопросами запрещёно, но я *должен*, ибо бесчинство Веланда меркнет в сравнении с тихой изменой Сальваторе Ясинто.

Терновый Венец бдительно выискивает рецидивистов, продолжающих втайне заниматься богохульными искусствами. Хотя с дней Великого Терзания мы выявили тридцать одного отступника, в элите ордена таких не встречалось. До сих пор. Если даже ревностный боец вроде Сальваторе предал веру, как мы можем доверять хоть кому-то? И сколько ещё подобных ему? Сколько воинов пишут, музицируют, гравируют, рисуют или даже лепят в тенях?!

Вот в чём заключается дилемма, брат: зеркало Афанасия способно раскрыть изменников среди нас. Оно с неопровержимой ясностью показало скверну Веланда и чистоту Лорана. Правда, я не видел отражения Сальваторе до его гибели, а потом, когда подтащил к стеклу труп ветерана, в нём уже не осталось души, способной поведать свою историю.

Но мне открылась истина об Ансельме Джордано.

Последний из боевых братьев вернулся ко мне только через сутки с лишним. Услышав приветственный крик, я отвернулся от зеркала и проследил, как Ансельм подходит ко мне. Воин где-то потерял шлем и хромал, чего раньше с ним не бывало. Когда Джордано приблизился, стало видно, что его броня покрыта вмятинами и расчерчена глубокими бороздами.

Остановившись под площадкой, где ждал я, Ансельм оглядел наших мёртвых братьев.

- Значит, мы с тобой последние, – с грустью произнёс он.

- Объяснись, брат-исправитель! – потребовал я. – Ты отсутствовал почти двадцать восемь часов.

Джордано встретил мой взгляд:

- Согласно моему хронологу – пятьдесят пять, магистр-бичеватель. Тут время ведёт себя предательски, как и всё прочее. – Он покачал головой. – Я не могу ничего объяснить. Когда Веланд выстрелил по нам, я спрыгнул и упал... не здесь.

- «Не здесь»?

- На другом этаже, потайном, ниже погребов. Не понимаю, как я там оказался. – Воин помрачнел. – И тот ярус не пустовал. У ведьмы имелись и иные слуги – мутанты, каких я прежде не встречал. Её кощунствам нет конца, магистр.

- Она говорила с тобой, брат Ансельм?

- Нет. – Джордано как будто удивил мой вопрос. – А вырожденцам, которых я перебил, не хватало ума

для разговоров. Я с боем прорвался наверх, но замок изменился... превратился в лабиринт. Через какое-то время я наткнулся на вестибюль, однако входная дверь исчезла. И за окнами... *ничего нет*. – Он развёл руками, держа ладони кверху, словно молил о разъяснениях. – Мне думается, магистр, ведьма забавлялась со мной. Это здание – её игрушка, а возможно, и своего рода тело.

– Возможно, – согласился я. Теория Ансельма звучала разумно, но не относилась к моей дилемме. – Подойди сюда, брат-искупитель, мне нужно твоё содействие.

– Как прикажешь, магистр.

Он начал взбираться по лестнице на платформу, и я вновь повернулся к зеркалу. Пока я ждал, в сердцах у меня боролись чувства дружбы и долга, однако стекло не знало пощады.

– Что от меня требуется, магистр? – спросил Джордано, остановившись в паре шагов позади.

– Только правда, – сказал я, обращаясь к его отражению.

– Разумеется.

В зеркале возникло прекрасное точёное лицо – лишённое морщин и пятен, к виду которых я успел привыкнуть, обрамлённое блестящими чёрными волосами. Но отличия крылись и гораздо глубже, в самой душе Ансельма Джордано. Он светился жизненной силой, какой я со времён Великого Терзания не видел в наших братьях. Стекло отражало не Кающегося, а Сияющего Ангела.

– Ты взялся за старое, Ансельм? – тихо проговорил я. – Или никогда не отказывался от прежних ересей?

– Не понимаю, о чём ты, магистр-бичеватель.

– Всё ещё играешь на лазерострунной арфе? Нет... Должно быть, на чём-то маленьком... таком, что легче спрятать.

– Прости, магистр, но ты ошибаешься. Я хранил верность «Завету Терниев». – Джордано нахмурился. – Дело в *ней*. Она старается запутать и разделить нас.

– Сейчас меня заботят не те обманы, что сплетает ведьма, *лже-брат*.

– Не слушай её, друг мой! – Подняв руки, Ансельм шагнул вперёд. – Мы должны уничтожить зеркало, пока...

– Изменник! – прогремел я, резко поворачиваясь к нему.

Мой крозиус, затрепав силовым полем, стремительно описал широкую дугу и снёс Джордано верхушку черепа. Воин замер, уставившись на меня; по его седым волосам заструилась кровь. Ансельм шевельнул губами, но не выдал ни слова. С последним вздохом он рухнул на колени, не сводя с меня мёртвых глаз. Лицо брата вновь выглядело так, каким оно сохранилось в моей памяти.

– Император обвиняет, – прошептал я.

Отвернувшись от предателя, я услышал смех колдуньи.

Итак, остались только мы, зеркальный брат. Мы оба стоим в галерее беззаконий, взирая друг на друга через святотатственное стекло. Уже много времени прошло с тех пор, как мы казнили наших Ансельмов. Как и ты, я провёл эти часы в молитве, ища ответы. Иногда я удивлялся тому, что никто не прилетел за

нами с «Иссечения великолепия», когда мы не вернулись с предположительно короткой миссии, но так даже надёжнее. В лучшем случае братья стали бы обузой, в худшем – угрозой. Доверять нельзя никому: мы обязаны принять решение сами.

Ведьма умолкла, однако я ощущаю на себе её взор. Глаза Эссекер повсюду и нигде одновременно...

Неужели она наконец признала, что меня не совратить? Или готовит какой-то новый чудовищный искуc? Успеха ей не достичь, поскольку исправление почти завершилось. Остаётся нанести последний удар, и всё же я колеблюсь, ибо не могу отрицать жестокой правды: наш орден кишит вероотступниками, настолько коварными, что их не удалось выявить и самыми тщательными проверками. Боюсь, скверна проникла даже в ряды Тернового Венца.

С помощью мудрого зеркала я отыскал бы всех предателей. Его нельзя разбивать... Но разве можно его не разбивать?

Я ведь даже не постигаю логики стекла. Разложение Веланда отразилось на его лице, тогда как порча Ансельма виднелась только в зеркале. Что же, приговоры артефакта ненадёжны? Или вообще ошибочны? Или я недостаточно понятлив? Недостаточно *чист*?

Да, брат, я сознаю, что должен сделать, если хочу получить ответ. Это тяжкий грех, но и меньшее из зол. Меня окружают тайны и ложь, однако тлетворнее их всех – сомнения в самой моей душе. Если уж Ансельм и Сальваторе оказались нечестивцами, разве могу я доверять хоть кому-то?

Мне нужно познать себя.

Мне нужно увидеть тебя.

Сжимая железную маску обеими руками, я чувствую радостное возбуждение колдуньи. Старые болты глубоко ввинчены в череп, поэтому личина подаётся с болью, но я приветствую её. Ничто не имеет значения, кроме истины.

И всё-таки я медлю, держа снятую маску перед лицом, словно щит. Что, если...

«Что, если ты остался собой, Сияющий? – довершает мою мысль Урзелька Эссекер. – Что, если ты по-прежнему гредишь о красоте, лже-Кающийся?»

- Нет.

«Тогда взгляни на себя и узнай правду, Бьярго Рантана!»

И наконец я смотрю.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тринадцатый_Псалом_/_The_Thirteenth_Psalm_\(рассказ\)&oldid=244](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тринадцатый_Псалом_/_The_Thirteenth_Psalm_(рассказ)&oldid=244)

Эта страница в последний раз была отредактирована 9 сентября 2019 в 18:31.